

Железное кнутовище из могильника Kleine Kaup и роль статусных бичей в восточноевропейских древностях X–XI вв.

Владимир Кулаков

Грунтовой могильник Kleine Kaup, открытый в 1865 г. в 3 км к югу от совр. Зеленоградска (Зеленоградский район, Калининградская обл.), уникален для прусской археологии не только чертами обрядности (Кулаков, 2011, с. 87–89), зафиксированными во вскрытых на памятнике погребениях, но и целым рядом находок. Среди них – редчайшая для юго-восточной Балтии находка железного кнутовища, сделанная в полевом сезоне 2011 г.

Тогда в процессе вскрытия силами Балтийской экспедиции ИА РАН Раскопа 7, расположенного в юго-западной части площади (рис. 1), занятой в пределах лесного урочища Каур грунтовым могильником Kleine Kaup, было исследовано погр. К36. Восточный край его могильной ямы был выявлен ещё в 2009 г. при вскрытии Раскопа 4 (Архив ИА РАН, Кулаков, 2009). Благодаря работам 2011 г. удалось выявить весь комплекс, оказавшийся весьма интересным.

Погр. К36 (кв. 20) – двухъярусное трупосожжение, представляет собой овальную в плане яму нижнего яруса, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад, разм. $1,52 \times 1,30$ м (рис. 2). Глубина ямы нижнего яруса от уровня её выборки (верхней границы слоя переотложенного материкового суглинка), зафиксированная в западном профиле Раскопа 4 (Архив ИА РАН, Кулаков, 2009), – 0,74 м. Могила заполнена переотложенным материковым суглинком с примесью крупнозернистого песка. Заполнение могилы – несколько более рыхлое, чем нежели окружающий её слой переотложенного материкового суглинка. Заполнение верхнего яруса, судя по упомянутому профилю – слой остатков погребального костра с мелкими обломками кальцинированных костей в примеси и слой костра с большим количеством золистых примесей.

Мощность заполнения верхнего яруса – ок. 0,45 м. По центру кв. 20 в пределах верхнего яруса погр. К51 (соседствует и подстилает погр. К36 с запада) на шт. 2 обнаружено не имеющее чёткой в плане формы скопление ОПК с несколькими довольно крупными (диам. ок. 1 см каждая) обломками кальцинированных костей, лежавших среди четырёх небольших камней. Своим восточным краем эта могильная яма выходит в пределы Раскопа 4, где и была исследована в 2009 г. Этот край погр. К36 перекрыт выявленным тогда же погр. К31, что устанавливает последовательность возведения этих двух погребальных комплексов: погр. К31 (первая пол. XI в. – Кулаков, 2010, с. 200) было сооружено позднее погр. К36. В ходе работ на месте погр. К36 уже на шт. 1 стали фиксироваться в кв. 20 разроз-

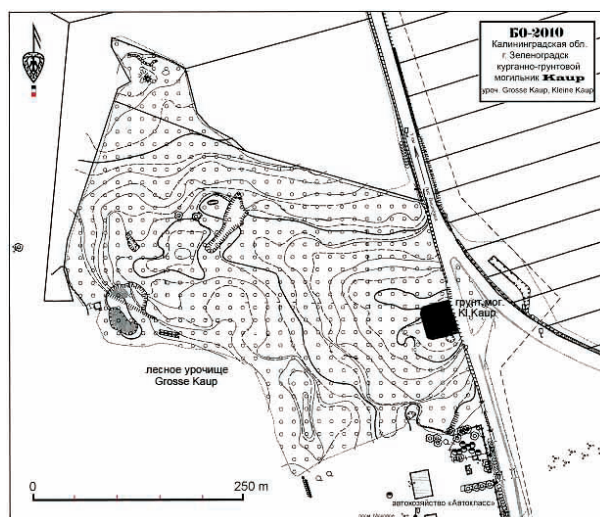

Рис. 1. Размещение грунтового могильника Kleine Kaup в лесном урочище Каур.

1 pav. Kleine Kaupo plokštinių kapinyno padėtis Kaupo miškelyje

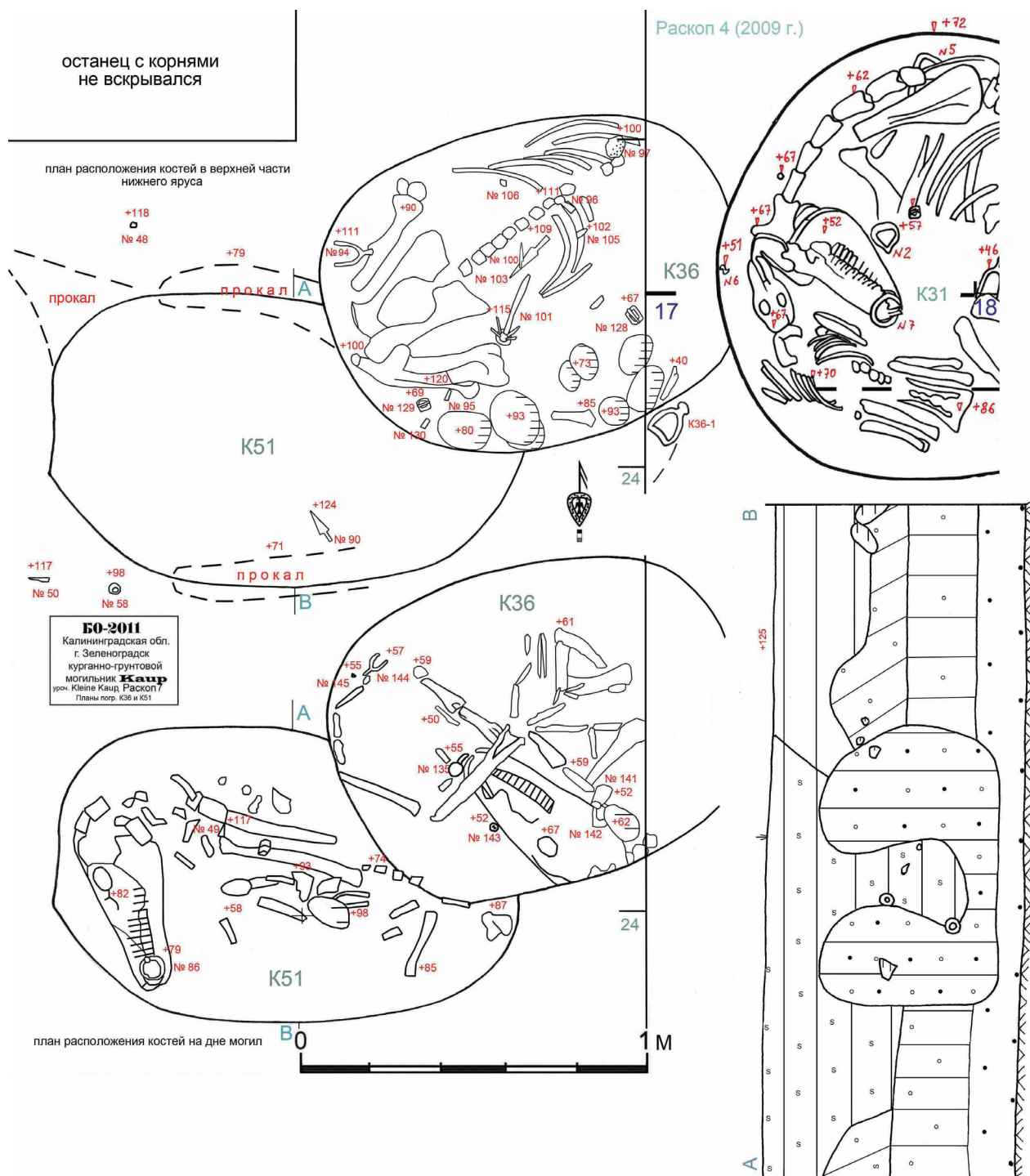

Рис. 2. Планы и сечение погр. K36.

2 pav. Kapo K36 planai ir skersinis pjūvis

ненные камни, относящиеся к разрушенной корнями деревьев (?) кладке, перекрывавшей погр. К36. Непосредственно к югу от её остатков на шт. 1 зафиксирована группа из валунов, являвшихся на глуб. +124+126 остатками крепления некоего столба. Не исключено, что этот столб служил как обозначением места расположения погр. К36, так и мог быть поставлен в ходе поминальных церемоний на самой верхней точке заполнения **верхнего яруса** погр. К36. Уже на шт. 1 в пределах этого яруса были найдены железный ключ № 13, ладейная заклёпка № 10, гирька № 7, замок железный цилиндрический с бронзовой ажурной оплёткой № 5, бронзовая накладка № 8, обожжённый фрагмент серебряной дробовой гривны № 6 (рис. 3). При разборке шт. 2 в пределах верхнего яруса погр. К36 было выявлено скопление камней, имеющее треугольную в плане форму. Очевидно, восточная часть этого скопления была уничтожена при сооружении перекрывающего этот комплекс погр. К31. На уровне шт. 2 в погр. К36 найдены: бронзовая, со слабо обожжённым оловянистым покрытием фибула «куршского типа» (рис. 3) вар. Carlsson TRA:JSVFO/LA, относимая по материалам о. Готланд к XI – сер. XII вв. (Carlsson, 1988, р. 75), шпора № 94, гирька № 48, бритва № 95, наконечник копья № 90, цилиндрический железный футляр для трута № 96, бронзовая накладка № 97. Особый интерес вызывает обнаруженное на глуб. ок. +123 кнутовище с железной рукоятью № 101 (рис. 3), рядом с которым лежал нож № 100. Обе находки носили слабые следы обжига. Кнутовище состоит из железного стержня общей длиной 25,0 см, на нижнем конце имевшем шаровидное утолщение, на верхнем конце раскованным и свёрнутым в петлю, конец которой был приварен к стержню. До сварки в эту петлю было вставлено железное кольцо диам. 5 см. В свою очередь, в это кольцо впущены железная обоймица дл. 8,8 см с тремя заклёпками, две идентичные бизовидные подвески длиной 4,2 см и железное кольцо диам. 3,1 см с плоским сечением (рис. 3). Железный стержень кнутовища имеет различное сечение. В верхней части стержня бича оно – квадратное, разм. 4,5 × 4,5 см. Нижняя часть стержня имеет круглое сечение диам. 8 см (рис. 3). Похоже на то, что часть рукояти нашей находки,

обладавшая квадратным сечением, оплеталась полосой некоего органического материала (верёвка или кожа) для удобства руки, держащей бич. Сечение круглой формы могло привести к тому, что рукоять «плети» будет скользить в руке. По своей конструкции находка из погр. К36 соответствует типу «плетей» Кирпичников I, распространённых в культурных слоях Новгорода и Пскова, в курганных древностях юго-восточного Приладожья, распространённому в Восточной Европе до сер. XI в. (Кирпичников, 1973, с. 73, рис. 40). Кроме отмеченных выше находок, к верхнему ярусу погр. К36 относятся два цилиндрических замка №№ 5 и 15, нож № 98, обломок бронзового псевдовитого перстня № 118 (рис. 3).

В **нижнем ярусе** погр. К36 на глуб. +90+120 первоначально выявлены были остатки задней части костяка коня, лежавшего в грунте на брюхе, с хребтом, вытянутым по линии северо-восток юго-запад. Эта часть конского скелета (согласно определению главного зоотехника ООО «Дельта», Москва, Федюшиной А. А., высота коня в холке достигала 160–165 см, что было отмечено у представителей текинской породы) располагалась в северо-восточном секторе могилы. Противоположный, юго-западный сектор могилы на указанной глубине был заполнен несколькими камнями (рис. 2). С костями коня в верхней части нижнего яруса были найдены: обломок рогового гребня № 106 с циркульным и прорезным орнаментами, бронзовая накладка № 97 плохой сохранности, бронзовая подвеска № 114 (к конскому оголовью?), две прямоугольные железные пряжки №№ 128 и 129, шпора № 94 (рис. 4), относящаяся к типу 1, датируемому XI в. (Кулаков, 2003, с. 312, рис. 133). У дна могилы в её юго-восточном секторе был найден череп коня и остатки костей конских передних ног (рис. 2). Череп лежал зубами на северо-запад. В зубах черепа обнаружены удила № 135 очень плохой сохранности с обломками роговых псалиев №№ 132 и 133. Псалии были украшены прорезными линиями (рис. 4). Подобные находки ранее были сделаны в прусском ареале на грунтовых могильниках Zohpen/Суворово (Гвардейский р-н) (La Baume, 1944, Abb. 27) и Przebród (woj. warmińsko-mazurskie Polski) (Nowakowski, 2000, Abb. 15). В. Ла Бом и В. Но-

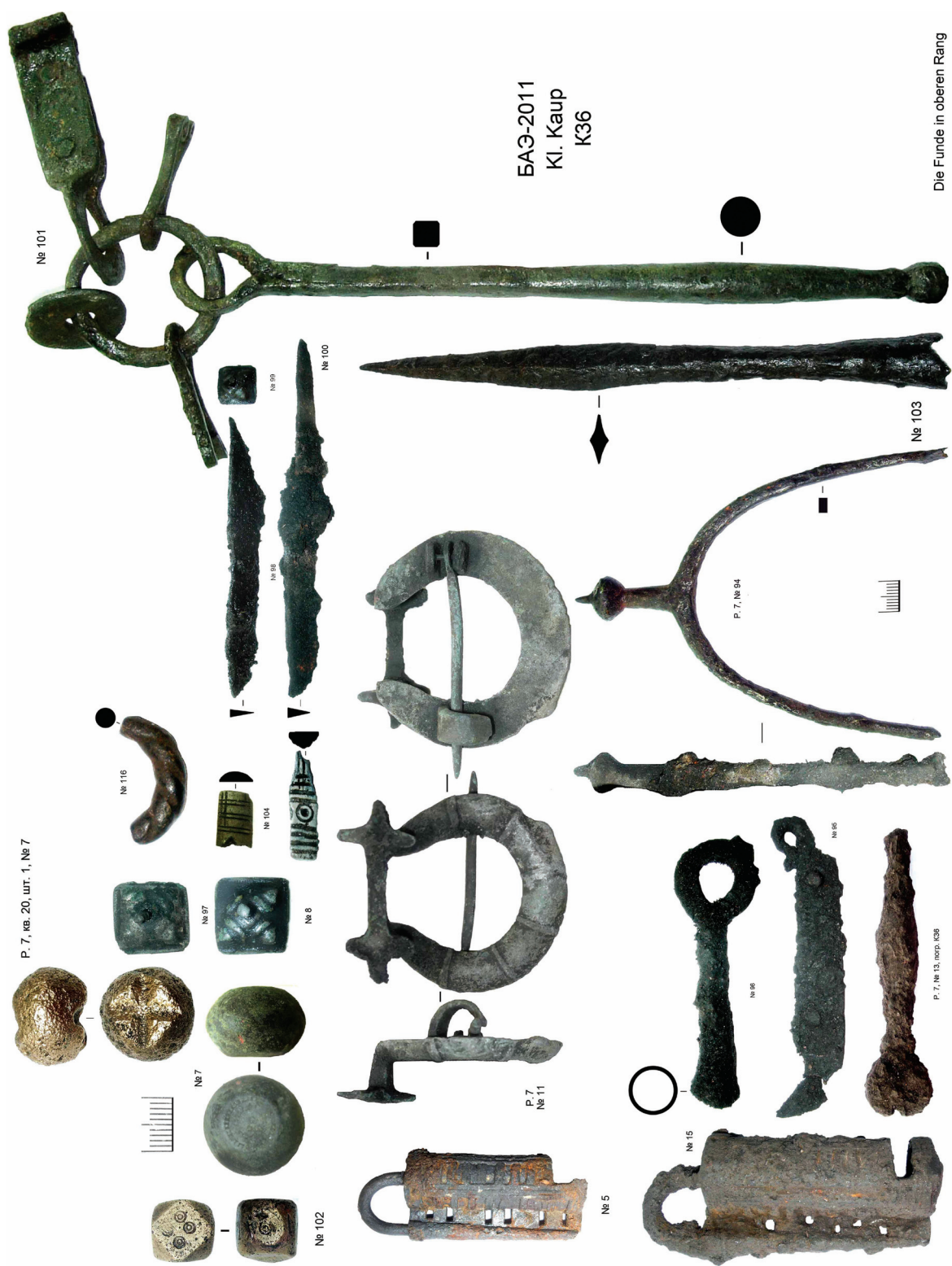

Рис. 3. Инвентарь, найденный в верхнем ярусе погр. К36.
3 pav. Karo K36 iĥarēs, ariktos viršutinėje dalyje

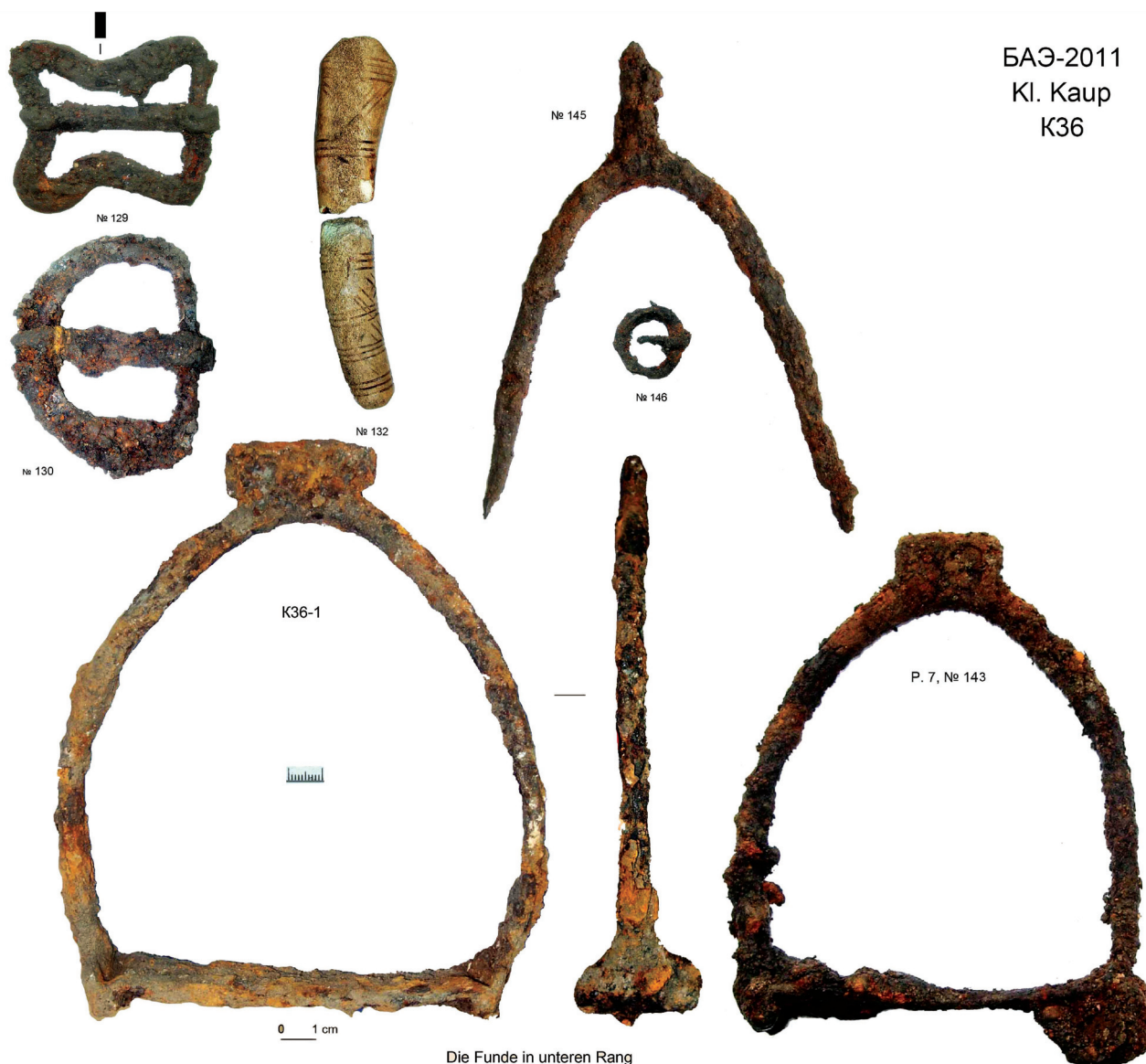

Рис. 4. Инвентарь, найденный в нижнем ярусе погр. К36.

4 pav. Kapo K36 įkapės, aptiktos apatinėje dalyje

ваковски без особых оснований датируют такие псалии или VII–VIII вв. (La Baume, 1944, S. 17), или даже временем «не позднее третьей четверти VII в.» (Nowakowski, 2000, S. 18). Под нижней челюстью коня было найдено ботало № 141, рядом – стремя № 142. В юго-западном углу дна могилы обнаружены шпора № 145 и шпорная пряжка № 146 (рис. 4). Шпора, судя по её признакам, относится к типу Кирпичников I, относящемуся в Пруссии к X – нач. XI вв. (Кулаков, 2003, с. 312). Ранее, в полевом сезоне 2009 г. у юго-восточного края нижнего яруса было найдено стремя № K36-1, изъятые

и переотложенные из погр. K36 в процессе сооружения перекрывающего его погр. K31 (Архив ИА РАН, Кулаков, 2009). Учитывая эту находку, следует сделать заключение о непарности стремян в погр. K36. Положение костей коня в могиле K36 свидетельствует в пользу такой реконструкции церемонии его помещения в яму: тело коня было разрублено и фактически сложено в могиле пополам. Сначала на дно могилы поместили переднюю часть туши, затем перекрыли её грудой камней (см. выше), и сразу же положили на грунт, засыпавший придонную часть могилы, заднюю часть туши

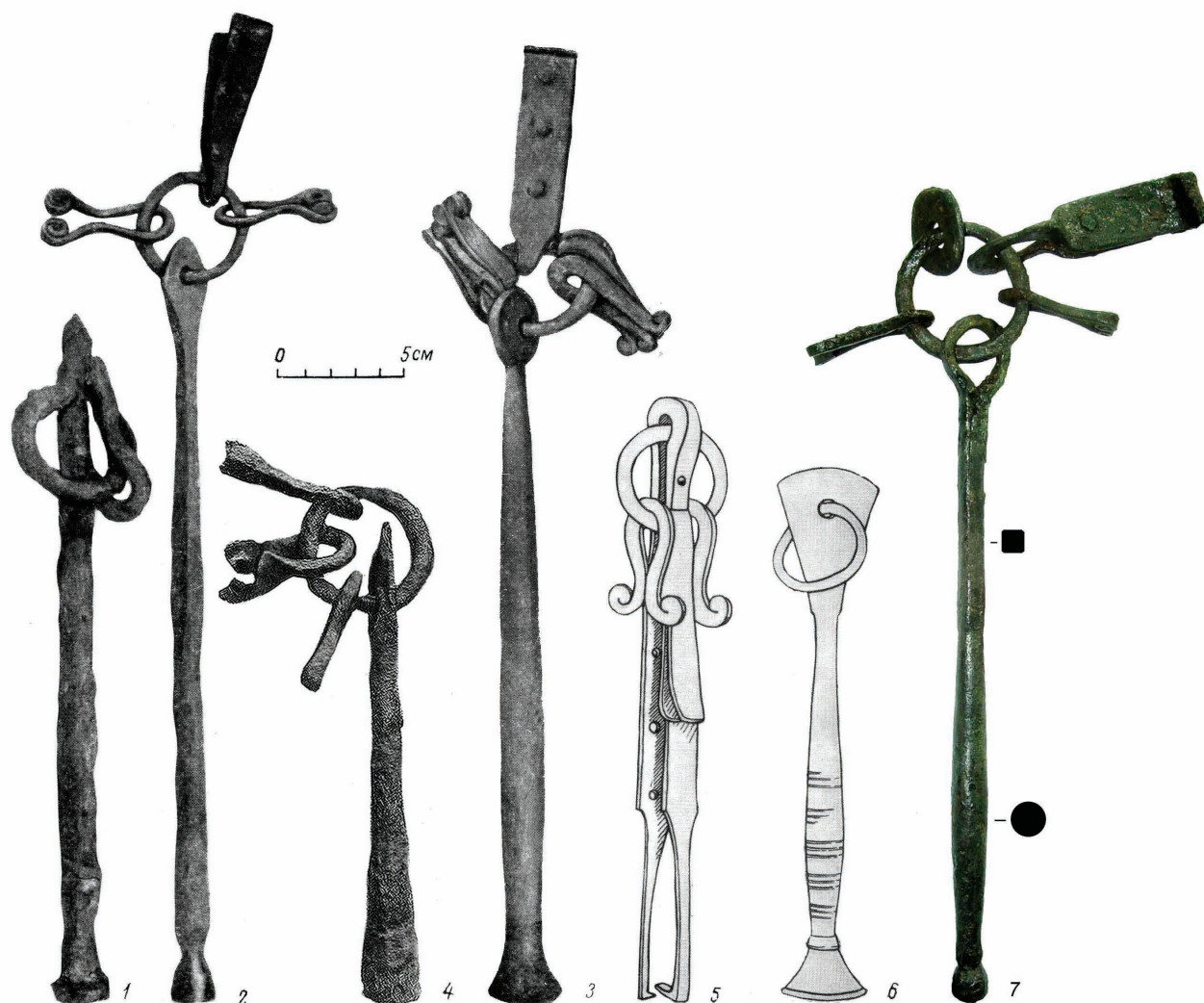

Рис. 5. Кнтовища типа Кирпичников I, найденные в Восточной Европе: 1 – бывш. Владимирская губ., 2 – Вахрушева, 3 – «Перкуштне» (Peršaukštis), 4 – Кабанское или Шелебово, 5 – Михайловское (плеть типа Кирпичников II), 6 – Гнёздovo (по: Кирпичников, 1973, табл. XXIII), 7 – К1. Каур.

5 pav. Kiričnikovo I tipo botkočiai, rasti Rytų Europoje: 1 – buv. Vladimiro gubernija, 2 – Vachruševė, 3 – „Perkuštne“ (Peršaukštis), 4 – Kobanskoje arba Šelebovo, 5 – Michailovskojė (Kiričnikovo II tipo vytinė), 6 – Gniozdovo (pagal: Kiričnikov, 1973, tabl. XXIII), 7 – K1. Kaup

коня. Аналогов такому варианту конского захоронения в Балтии не имеется.

Используя общепризнанные датировки «плетей» типа Кирпичников I и шпор типов Кирпичников I и 1, комплекс погр. К36 следует отнести ко времени не позднее начала XI в., к началу финальной фазы эпохи викингов. Указанной дате не противоречит и относительная хронология комплекса К36, более раннего относительно перекрывающего его комплекса К31 (см. выше). Таким образом, выявляются ошибочность датировок роговых псаллий с прорезным линейным орнаментом, предло-

женные В. Ла Бом и В. Новаковским. Кроме того, корректируется дата (точнее – ранняя фаза существования) подковообразных фибул var. Carlsson TRA:JSVFO/LA.

Особый интерес представляет собой уникальная для исторической Пруссии находка, сделанная в погр. К36 – железное кнтовище. А. Н. Кирпичников на основе восточноевропейских находок подобного рода предметов поименовал их «плетями» типа I и датировал их X – первой пол. XI вв. (Кирпичников, 1973, с. 73). Правда, собственно плетями эти изделия считать невозможно, ибо плеть, аксес-

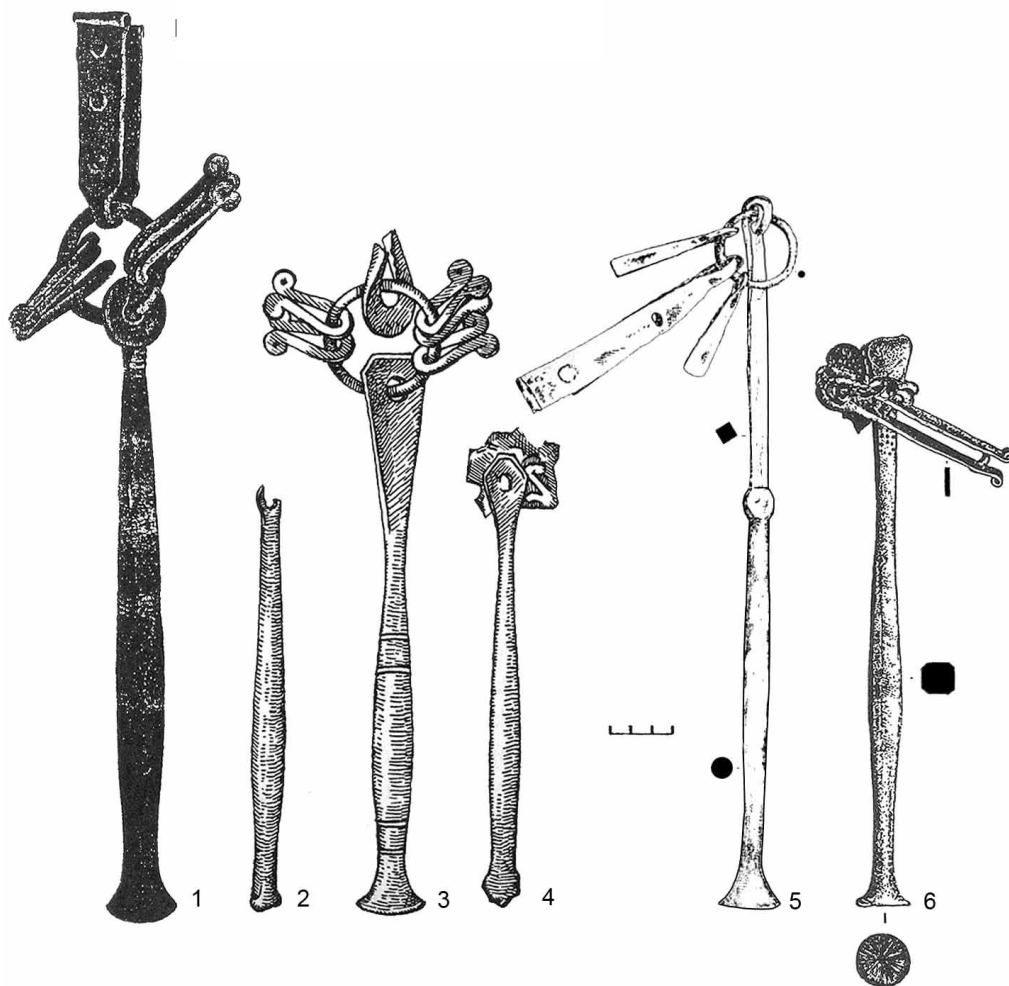

Рис. 6. Кнутовища типа Кирпичников I, найденные в Литве: 1 – Peršaukštis, 2, 3, 5 – Ruseiniai, 4 – Pakapiai, 6 – Kurklių Šilas (по: Butėnas, 2001, p. 2–4, 7 pav.).

6 pav. Kirpičnikovo I tipo botkočiai, rasti Lietuvoje (pagal: Butėnas, 2001, p. 2–4, 7 pav.)

суар всадника, связанный с восточными принципами понукания коня, без использования стремян и шпор, предполагает небольшой вес своей рукояти. Только в этом случае всадник может в удобном для него ритме направлять коня в нужную сторону. Железная же рукоять «плетей» типа Кирпичников I вызывала бы ненужную и быстро приходящую усталость руки наездника. Кроме того, шумовые детали, присущие таким находкам, непомерно пугали бы коня. Средство понукания коня, поименованное А. Н. Кирпичниковым плетьюми типа II (оковка деревянной рукояти, снабжённая кольцом для крепления кожаной полосы – рис. 5, 5), известно в Восточной Европе и в Скандинавии в X – первой пол. XIII вв. (Кирпичников, 1973, с. 73). В отличие от таких плетей находки типа Кирпичников I встре-

чены преимущественно в Восточной Европе (рис. 5). Примечательно то, что находки «плетей» типа Кирпичников расположены в началах великих торговых путей эпохи викингов – в верховьях р. Волги (Волжский путь) и в верховьях р. Днепра (Путь «из варяг в греки и обратно...») (рис. 7).

На территории южной Литвы также известно несколько находок «плетей» типа Кирпичников I, относимых здесь к X – первой пол. XI вв. (Butėnas, 2001, p. 231). Представляется актуальным называть интересующие нас артефакты не плетьюми, как А. Н. Кирпичников, а бичами, что по смыслу ближе к описанной выше мощной конструкции средства ручного понукания лошади. Примечателен факт именования артефактов, подобных находке из погр. К36, в немецкой археологической терми-

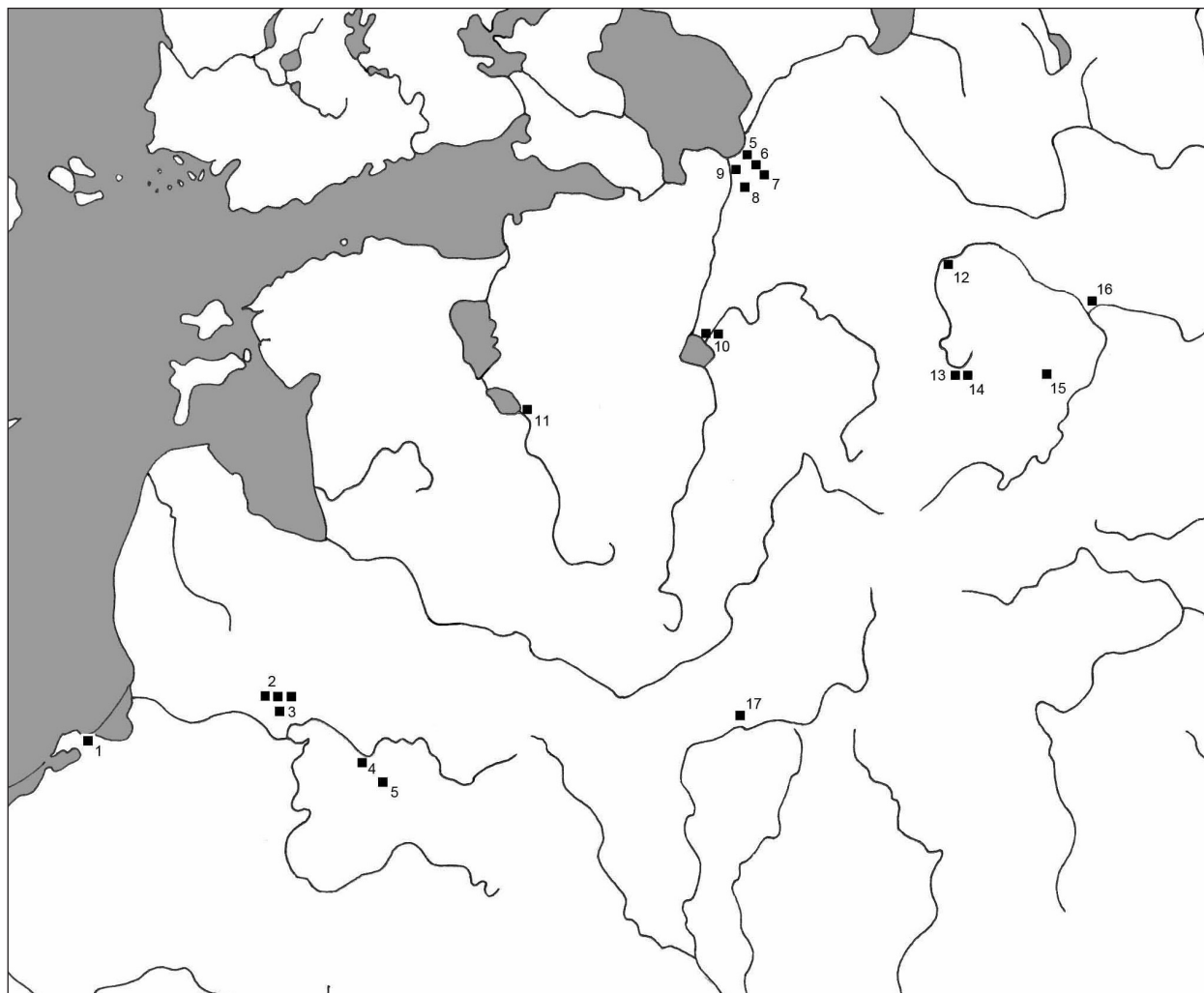

Рис. 7. Распространение «плетей» типа Кирпичников I: 1 – Кl. Kaup, 2 – Ruseiniai (Kėdainių r.), 3 – Pakapiai (Kauno r.), 4 – Kurklių Šilas (Anykščių r.), 5 – Peršaukštis (Švenčionių r.), 6 – Щуковщина (Юго-Восточное Приладожье), 7 – Костина (Юго-Восточное Приладожье), 8 – Вахрушева (Юго-Восточное Приладожье), 9 – Залющик (Юго-Восточное Приладожье), 10 – Новгород Великий, 11 – Псков, 12 – Славинево (Вологодская обл.), 13 – Кабанское или Шелебово (бывш. Владимирская губ.), 14 – бывш. Владимирская губ., 15 – Шелебово (бывш. Владимирская губ.), 16 – Михайловское (бывш. Ярославская губ.), 17 – Гнёздово (Смоленская обл.) (по: Кирпичников, 1973, рис. 40; Butėnas, 2001, 1 pav.).

7 pav. Kirpičnikovo I tipo „vytinių“ paplitimas: 1 – Kl. Kaup, 2 – Ruseiniai (Kėdainių r.), 3 – Pakapiai (Kauno r.), 4 – Kurklių Šilas (Anykščių r.), 5 – Peršaukštis (Švenčionių r.), 6 – Ščiukovščina (pietryčių Ladogos sritis), 7 – Kostina (pietryčių Ladogos sritis), 8 – Vachruševa (pietryčių Ladogos sritis), 9 – Zaliuščik (pietryčių Ladogos sritis), 10 – Didysis Novgorodas, 11 – Pskovas, 12 – Slavynevo (Vologdos sr.), 13 – Kabanskoje arba Šelebovo (buv. Vladimiro gub.), 14 – buv. Vladimiro gub., 15 – Šelebovo (buv. Vladimiro gub.), 16 – Michailovskojė (buv. Jaroslavlio gub.), 17 – Gniozdovo (Smolensko sr.) (pagal: Кирпичников, 1973, рис. 40; Butėnas, 2001, 1 pav.)

нологии словом “Peitsche”, прямо происходящем от старослав. «бити» (отсюда происходит и современное слово «бич», упоминаемое в литературе как средство понукания лошадей, быков и прочих тяговых животных, запряжённых в повозки различных типов). Отмечается, что в Скандинавии эпохи

викингов преимущественно известны лишь бичи с деревянной рукоятью (Steuer, 2003, S. 547), что ещё раз подчёркивает принадлежность бичей типа Кирпичников I исключительно для восточноевропейских и балтийских древностей эпохи викингов. «Плети» типа Кирпичников I в незначительном ко-

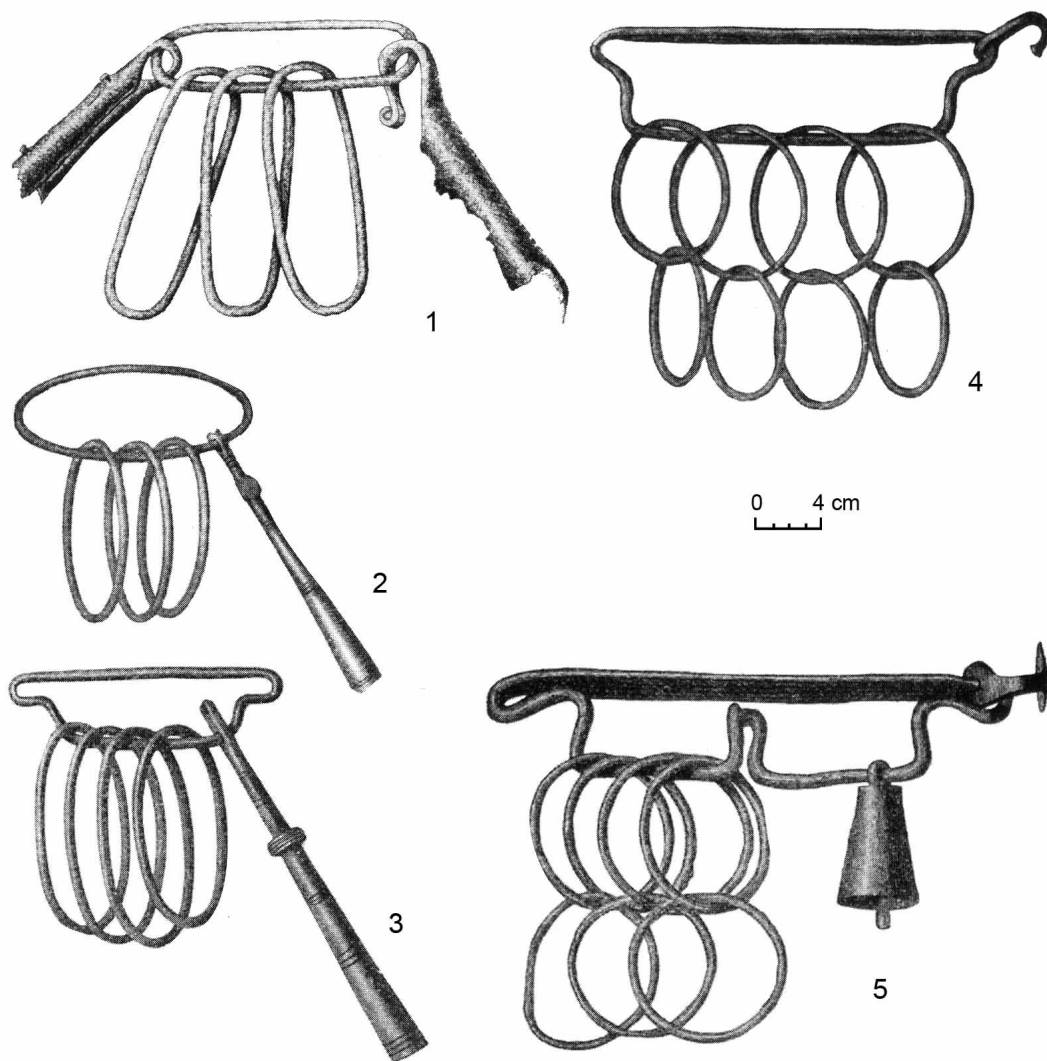

Рис. 8. «Погремушки» IX–X вв., найденные на территории совр. Швеции: 1 – Kvåle, Vestre Slidre, Oppland, 2 – Sverige, 3 – Kvarberg, Vågå, Oppland, 4 – Skjervan, Lardal, Vestfold, 5 – Utgårdan, Seljord, Telemark (по: Петерсен, 2005, рис. 46–50).

8 pav. IX–X a. „barškalai“, rasti dab. Švedijos teritorijoje (pagal: Петерсен, 2005, рис. 46–50)

личестве встречены лишь в Южной Скандинавии и в Финляндии (Hackman, 1925, S. 207–214).

Итак, бичу с железной рукоятью из погр. К36 аналогии выявлены преимущественно в Нижнем Понеманье и на начальных этапах великих торговых путей Восточной Европы. Остаётся нерешённым вопрос о функциональной принадлежности этих находок. Как указывалось выше, применение железных кнутовищ для понукания верховых коней представляется невозможным¹. Единственным

¹ Пользуясь случаем, выражаю признательность М. Г. Гусакову за его консультации относительно применения плетей в верховой езде.

применением таких предметов может быть использование их при управлении упряжкой волов или лошадей-тяжеловозов. Расположение находок железных кнутовищ именно в верховьях водных торговых путей эпохи викингов, казалось бы, указывает именно на этот вариант интерпретации «плетей» типа Кирпичников I. В самом деле, влечь тяжёлые возы по водоразделам или же торговые ладьи по водной глади удобнее всего при помощи тягловых животных. Более того, в особенно непроходимых и глухих местах этих животных пришельцам с севера несложно было заменить на плённых аборигенов, использовав их наподобие поздней-

ших бурлаков. Звонящими подвесками, прилаженными к верхней части железного кнутовища, было, наверное, удобно пугать этих страдальцев.

Единственно невыясненной остаётся роль конусовидного или округлого нижнего навершия железного кнутовища. Для фиксации руки на кнутовище это утолщение не подходило. Дело в том, что кнут, плеть или бич фиксируются на рукояти наездника, как правило, ременной петлей, зачастую связанной в единое целое с оплёткой рукояти кнута. То, что такая оплётка на железных кнутовищах присутствовала, говорит, в частности, квадратное сечение рукояти бича, обнаруженного в погр. К36. На таком стержне кожаная оплётка держится весьма надёжно. Для конических или круглых наверший железных кнутовищ близка неожиданная аналогия – жезлы шаманов, которые у финно-угорских и палеоазиатских народов били им в священный бубен в процессе достижения ими религиозного экстаза.

Для окончательного выяснения функции железных кнутовищ необходимо рассмотреть их прототипы, изучавшиеся ещё Яном Петерсеном. Эти сложные конструкции включают в свой состав крупные по размеру кольца и даже ботало («шумящая» часть «погремушки») и одну/две железные втулки – навершия для некоего стержня из органических материалов. По номенклатуре деталей эти «погремушки» ничем не отличаются от бичей типа Кирпичников I, кроме отсутствия струбцин для крепления ременной полосы плети. Ян Петерсен по инвентарю, сопутствовавшему «погремушкам» в погребениях, относил их к рубежу IX–X – нач. X вв. и не приводил их интерпретации (Петерсен, 2005, с. 85). В эпоху высокого средневековья «погремушки» на территории совр. Швеции лишены наверший для рукояти (рис. 8, 4, 5) и могут считаться деталями воловьей сбруи. Её постоянное звучание (как и ботала у коней и у коров) указывало пастуху на местоположение пасущейся скотины (крепились на шее животного, свисая к его передним ногам). Видимо, такими же деталями следует признать и более ранние «погремушки», относящиеся к эпохе викингов (рис. 8, 1–3). Железные втулки с крючками, крепившиеся к основному кольцу этих конструкций, могли служить для крепления рукоятей, за которые животное водилось с пастбища в стойло или же на какие-либо работы. Кроме того,

за эти втулки могли привязывать верёвки, которыми фиксировались быки на определённом участке выпаса (ср. бронзовые дуги в комплексах конских оголовий типа Vimose эпохи римского влияния). Не следует исключать и культовый аспект данных предметов, могущих служить для препровождения быка на место жертвоприношения. В таком случае присутствие «погремушки» в погребении воина показывает его культовые функции в общине или в дружине. Как правило, ведущая роль в производстве жертвоприношений в скандинавском обществе эпохи викингов отводилась вождю. Приблизжённый к нему дружинник мог ведать жертвенным скотом и обладать такой статусной вещью, как деталь сбруи быка/вола. Этот вывод почти полностью соответствует высказанной ранее точке зрения А. Хакмана (Hackman, 1938, S. 127–130). Сходную роль в погребальном инвентаре скандинавских женщин X в. выполняли конские удила – символ управления хозяевами усадеб усадебным скотом.

Учитывая всё вышесказанное, кнутовища типа Кирпичников I также можно рассматривать как предметы культового и статусного предназначения. От более ранних «погремушек» у железных кнутовищ сохранились шумящие и биэсовидные подвески. Последние, не исключено, воспроизводят части более ранних деталей «погремушек» (рис. 8, 1). К набору ритуальных по своему смыслу подвесок на железных кнутовищах были присоединены железные струбцины для крепления ременной полосы. Учитывая в целом культовый смысл железных кнутовищ, эти ременные полосы могли быть призваны имитировать пастушьи бичи для понукания тягловых животных на выпасе или же при их работе. Нижнее навершие кнутовища было приспособлено к битью в бубен наподобие шаманского. Таким образом, перед нами – редкий по своей семантической значимости и смысловой нагрузке предмет, имевший и культовое, и статусное значение. При этом вспоминается пример из древней истории: кнутовище как символ власти (знак управления боевой или церемониальной колесницей ?) являлось важнейшим атрибутом фараонов в Древнем Египте.

Как правило, в случае наличия информации о комплексах, в составе которых были обнаружены кнутовища типа Кирпичников I, они всегда оце-

ниваются как принадлежности социально высокопоставленного воина-дружинника (Butėnas, 2001, р. 231). Так же можно оценить и положение в обществе воина, захороненного в погр. К36.

Расположение пунктов находок «плетей» типа Кирпичников I в Восточной Европе и в Балтии на начальных этапах торговых путей объяснимо близостью этих регионов к Южной Скандинавии – ареалу распространения прототипов железных кнутовищ с шумящими подвесками. Полностью соответствуя атрибуту шаманского культа, эти прототипы появляются на северо-западной границе Вос-

точной Европы, где встретились шаманские культы финно-угров и скандинавские традиционные верования. В их составе культ Владыки богов Одина также изначально носил шаманские черты (Новик, 1982, с. 639). Из этого ареала вместе со скандинавскими торговцами и воинами атрибуты северных культов оказались в Балтии и в Восточной Европе. Их находки подчёркивают важную роль активности северян в становлении транзитных торговых отношений в Восточной Европе, послуживших важным фактором становления многонациональных государств Русь и Литва.

ЛИТЕРАТУРА

- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ, вып. Е1-36, Л.
- Кулаков В. И., 2003. История Пруссии до 1283 г., М.
- Кулаков В. И., 2010. Грунтовой могильник Малый Кауп: раскопки и находки. In: *Archaeologia Litwana*. 11. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, с. 188–210.
- Кулаков В. И., 2011. Балтская часть могильника Кауп. In: *Archaeologia Litwana*. 12, с. 87–98.
- Новик Е. С., 1982. Шаманская мифология. In: *Мифы народов мира*. 2. М., с. 638, 639.
- Петерсен Я., 2005. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.
- Butėnas E., 2001. Kario raitelio kapas iš Kurklių Šilo pilkapyno. In: *Lietuvos archeologija*. 21. Vilnius, p. 227–232.
- Carlsson A., 1988. Vikingatida ringspännen från Gotland. Stockholm.

Hackman A., 1925. Eisenzeitliche Peitschenstiele und Leitstockbeschläge aus Finnland. In: *Studien zur vorgeschichtlichen Archaeologie A. Götze zu seinem 60. Geburtstage*. Leipzig, S. 207–214.

Hackmann A., 1938. Das Brandgräberfeld von Pukkila. In: *Suomen Muinainmuististoyhdistyksen Aikakauskirja*. XLI. Helsinki, S. 123–131.

La Baume W., 1944. Altpreußisches Zaumzeug. In: *Alt-Preussen*. Jg. 9, H. 1–2, S. 2–19.

Nowakowski W., 2000. Die Balten zwischen Weichsel und Memel zwischen 400 und 800 n. Chr. Ein Entwurf der Forschungsproblematik. In: *Archaeologia Baltica*. 4. Vilnius, S. 9–25.

Steuer H., 2003. Peitsche. In: *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 22. Berlin–New York, S. 546, 547.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив ИА РАН, Кулаков В. И., 2009. Отчёт о раскопках и разведках, проведённых Балтийской экспедицией ИА РАН в 2009 г. на курганном могильнике Моховое, расположенном в лесном урочище Кауп (г. Зеленоградск Калининградской обл.).

СОКРАЩЕНИЯ

Л. – Ленинград
М. – Москва
САИ – Свод археологических источников
СПб – Санкт-Петербург

KLEINE KAUP KAPINYNŲ GELEŽINIS BOTKOTIS IR BOTAGŲ VAIDMUO X–XI AMŽIAUS RYTŲ EUROPOS SENIENOSE

Vladimir Kulakov

Santrauka

2011 m. plokštiniame kapinyne *Kleine Kaup* (Zelenogradsko r., Kaliningrado sr.) aptiktas unikalus radinys. Kapo K36 viršutinėje dalyje tarp daugybės daiktų rastas geležinis botkotis su kabučiais (Kirpičnikovo I tipo „vytinė“). Naudojantis priimtu šio tipo botkočių datavimu ir Kirpičnikovo I ir

I tipo pentiniais, aptiktais kape K36, kompleksas datuojamas laikotarpiu, ne vėlesniu kaip XI a. pradžia.

Kirpičnikovo I tipo botkočių daugiausiai rasta Rytų Europoje. Svarbu tai, kad šie daiktai aptikti didžiųjų vikingų epochos prekybos kelių pradžioje – Volgos aukštupyje (Vol-

gos kelias) ir Dniepro aukštupyje (kelias „iš variagų į graikus ir atgal...“). Pietų Lietuvos teritorijoje taip pat aptikta keletas Kirpičnikovo I tipo botkočių. Jie datuojami X–XI a. pirmąja puse.

Kirpičnikovo I tipo botkočius galima laikyti kulto ir socialinio vaidmens daiktais. Iš ankstyvesnių „barškalų“ geležiniuose botkočiuose liko barškantys ir dvigubos S raidės pakabučiai. Kirpičnikovo I tipo botkočių radaviečių paplitimą Rytų Europoje ir Baltijos kraštuose prekybos kelių pradžioje galima paaiškinti šių regionų artumu Pietų Skandinavijai,

kur buvo paplitę geležinių botkočių su barškančiais pakabučiais prototipai. Kaip šamanų kulto atributai šie prototipai atsirado Rytų Europos šiaurės vakaruose, kur buvo paplitę finougrų šamanų kultai ir tradiciški skandinaviški tikėjimai. Iš šio arealo kartu su skandinavų pirkliais ir kariais šiaurinių kultų atributai pateko į kitus Baltijos kraštus ir Rytų Europą. Jų radiniai rodo aktyvų šiauriečių vaidmenį formuojant Rytų Europos tranzitinius prekybos kelius, tapusius svarbiu veiksnio kuriantis Rusios ir Lietuvos daugianacionalinėms valstybėms.

Iš rusų kalbos vertė *Mykolas Michelbertas*

Įteikta 2012 m. sausio mėn.